

ПОСТОЯННО причисляемый к "шестидесятикам", я и сам себя таковым считал, пока вдруг не вспомнилось, что в 1960 году мне уже исполнилось 28. Лермонтовский возраст, этот постоянный упрек российской литературы, пришелся на пятидесятые, и, стало быть, я уж скорее "пятидесятник": боялся настичь!

Стиляжные пятидесятые – теплые экскурсии в тайны! В моем случае эта экскурсия в конце концов из тайны стала явой, поскольку в 1980-м я получил пинок красным латаем под задницу.

Приятель мне, господи, русский супфикс "яга". Идет он несомненно от скифов и пахнет кочевой цивилизацией. Всегда осязая его присутствие, когда думал о том, как "комуниг" ненавидел "стиляж", как он, "сердига", немного подох, в стиляже, оказывается, еще немногожив, доходитъ! В этом случае можешь и в индийской Чаттаванти всплыть долину скифского чесноку, тогда у нас все закончено.

Позапрошлым летом Виктор Славкин пригласил меня на премьеру своего фильма "пятидесятникам". Бывших стиляжей рассекречивали в этом фильме о своей молодости. Каждого из них режиссер усаживал на престороне сиденье открытою Собаку. Собака сидела одна, тоже во времена пятидесятых. Москву. Эффект получился обалденный. Помада человека пытается что-то вспомнить, говорит вяло, неинтересно и другое замечает как-то перекресток, арку какого-нибудь памятного ему дома, и тогда сквозь опустившуюся брызгу и набухшие подглазья проплывает искра, и вы и мигновение вириште перед собой мальчишку тех времен сорокалетней давности.

Во время дискуссии Славкин предложил и мне выступить, поделиться воспоминаниями о стиляжных пятидесятых. Признаюсь, мне не хотелось говорить. Потом учебного года в американском университете в Москве вообще-то хочется помочь! Вдруг в зале я увидел знакомое лицо – впоследствии выяснилось, что это была doch einer девушк из нашей молодой компании, и как-то сразу возникла череда сцен, "полусмешных, полупечальных", странный парфэрк с одной из моих нынешних университетских тем, к "Гоголине".

Я НИКОГДА не был стиляжом в гордом и демоническом смысле слова. Скорее уж я был жалким поддражателем, провинциальным стиляжкой. Иной раз во время канцелярских поездок из Казани в Москву или Питер я видел группы немуслымов гирляндами в узких брюках и ботинках на толстых подошвах, национальными башками, стоящими возле "Авроры" на Петровских линиях или возле "Астории" на Исаакиевской. Набиблионицкая башка была, пожалуй, самым доступным атрибутом из стиляжного набора, и мы с такими башками собирались на танцах в казанском Доме учених. Что касается "шмиток", то тут от нас за версту разило халтурой, потугами провинциальных "телефаграфистов".

Между тем на экраны каким-то чудом прошел французский фильм "Их было пятеро". Там герой таскался в пиджаке со сверхразмерными плечами и длинной щицей через всю задницу. Он даже, кажется, что-то говорил об этом пиджаке своей девушки: вот, мол, видишь, какая у меня американский пиджак! Вдвоем с молодым портняжком мы решили замаскировать такой пиджак из местных материалов. Облизав все магазины, нашли ткань в мелкую клетку. Портняжка трудился три недели и наконец сказал, довольный и гордый: ну, вот, Ва-сек, теперь ты у меня в порядке, как пограничник! Какое отношение я имею к пограничнику в таком "клемовом" пиджаке, я не спросил и полетел, то застегиваясь, то расстегиваясь, разеваясь щицей и напевая стиляжный "сумбур вместо музыки".

Однажды я дядя сшили новый китель, в ботижку!

Он не сидел.

Но после долгой гляжки

Усердного портняжки

Тот вспомнил

Всех томашек

Полетели!

О минети!

Тот китель

Всех томашек

Полетели!

Едва я появился в своем новом пиджаке на курсе, как сразу же стал объектом комсомольской сатиры. В стигнезе "Лечфаковец" тиснули карикатуру с рифмованной подписью: "Этот клетчатый пиджак Был хорош бы для стиляж, Ну, а вас, со-курсник Вася, Он совсем, совсем не красит!" Таким образом мединститут меня вписал в свою ма-личиленную команду мальчиков для биты, и с тех пор в каждом выпуске "Лечфаковец" находил-ся чисто-нибудь о себе под руки: "Кривое зеркало". Только много лет спустя я узнал, что все эти сти-шки и карикатуры на меня тщательно собирались местной гэбухой, поскольку я находился у них "в разработке", но это особая тема.

Выносило всегда мечтать стать частью городской мифологии, и поэтому я был очень вдохновлен, когда меня в моем пиджаке стали приглашать постыдиться в самых других персонажах "окон сатиры", а именно Владимиру "Крука", Сереже Елкин-Палкин, Ирине "Домино", Ушанги Амбердзендианашвили. Увы, постыдиться с ними возле мраморного льва на главной улице я мог только поздней весной или ранней осенью. В холодное время я к льву старалась не приближаться в связи с отсутствием соответствующей "упаковки".

С ЕЙЧАС могу признаться: я ненавидел свое зимнее пальто больше, чем Иосифа Бисаррионовича Сталина. Это излие, казалось, было спешно спроектировано для уничтожения человеческого достоинства: пузоватый драпец с ватином, мерзкий "котиковый" воротник, тесные плачи, коровий затылок, кривая пола. Студенты в этих пальто напоминали толпу боярков.

И вдруг однажды сверкнул мне "луч света в темном царстве". В тот день, подлейший мартовский слякодень, забрал я в комиссионку на Кольцовскую. Очная дыра, завешенная траченными молью бахарскими коврами и чернобурками, заставленная китайскими вазами и термосами. И все-таки эти нафтальиновые лягушки имели какое-то отношение к городской мифологии. Об этом на Кольце, в частности, было известно, что в ней Сережа Елкин-Палкин купил когда-то набор иностранных пластиков с собой везде разбросала граммофон, из которого доносились голоса ее любимого хозяина.

Едва лишь я в тот день подошел к этой комиссионке, как из нее вышел мужчина лет на десять старше меня, не кто иной как джазист "шанхайец" Герман Грамматичев. Он был без пальто.

Эти "шанхайцы", молодые русские патриоты, играли еще недавно в большом оркестре и развлекали буржуазную публику в огромном городе на реке Хуанхе. Грандиозные победы красных орд творца Мао-Цзедуна подтолкнули весь оркестр выехав на историческую родину. Джазисты еще не догадывались, что история там данный момент повернулась задницей к подобным американизированным бэндам. Неси с собой репертуар Гленна Миллера. Вуди Германа, они думали: вот тебе, любимая родина, все лучшее, чему научились молодые патриоты на реке Хуанхе!

Благодарность родины оставляла желать много лучшего, однако не дотягнуло до худшего. Могла бы ведь и полоснуть поперек плющиков, однако вместо этого просто пендемп под пад вышивырнула космополитическую заруз в пыльный Зеленодольск, штаб-квартиру умирающей, Волжской военной флотилии с ее плоскодонными крупонущечными мониторами. Там козы толпо проходили под веером по главной улице, что давало возможность джазистам сравнять их блеск со звуками международного съезда в Шанхае.

Вдруг неизвестно откуда пришло смягчение для патриотов: разрешено перебазироваться в Казань и там перейти на одиночное репатриантское существование. До сих пор не понимаю, почему наши родины вдруг проявили такой либерализм и не отправила лабухов на свою колымскую угольку вместо университетского города, где уже с жадностью подрастало новое студенческое поколение. Так или иначе, "шанхайцы" рассосались в Казани по ресто-

ранам, кинотеатрам и клубам, где стали исполнять утвержденный репертуаром набор народной музыки. И все-таки, и все-таки, иногда, "под балдой", перемигнувшись с публикой, они вдруг выдавали свой свинг, разстигая перед местной жаждкой молодежью огромные медные закаты внешнего мира.

Итак, это был один из них, из нездешних, некий барабанщик Гоша Грамматичев, который, сдав последнее пальто коммисионки, теперь налегке скользил к магазину "Вина-воды". Через минуту я уже смотрел на пальто Грамматичеву из-за китайской вазы. Под эгидой Китая в тот день сцепились связь времен, распавшаясь ранее под эгидой России. Из-за вазы с драконами русский юнец взирал на американский пальто, купленное когда-то на реке Чаттаванти всунуть долину скифского чесноку, тогда у нас все закончено.

Позапрошлым летом Виктор Славкин пригласил меня на премьеру своего фильма "пятидесятникам".

Бывших стиляжей рассекречивали в этом фильме о своей молодости. Каждого из них режиссер усаживал на престороне сиденье открытою Собаку. Собака сидела одна, тоже во времена пятидесятых. Москву. Эффект получился обалденный. Помада человека пытается что-то вспомнить,

говорит вяло, неинтересно и другое замечает как-то перекресток, арку какого-нибудь памятного ему дома, и тогда сквозь опустившуюся брызгу и набухшие подглазья проплывает искра, и вы и мигновение вириште перед собой мальчишку тех времен сорокалетней давности.

Во время дискуссии Славкин предложил и мне выступить, поделиться воспоминаниями о стиляжных пятидесятых. Признаюсь, мне не хотелось говорить. Потом учебного года в американском университете в Москве вообще-то хочется помочь! Вдруг в зале я увидел знакомое лицо – впоследствии выяснилось, что это было doch einer девушк из нашей молодой компании, и как-то сразу возникла череда сцен, "полусмешных, полупечальных", странный парфэрк с одной из моих нынешних университетских тем, к "Гоголине".

Среди обычных советских черных и коричневых колоров держко выделялся пятно верблюжего цвета, сисал пояс с металлической, не наших очертаний, пряжкой. Невинно плялились невиданные пуговицы, похожие на треснувшие орехи. Лучше сразу уйти, это пальто стоит пять тысяч. Даже если продам "Балтику" и "Кирзовские", не наберу и на треть. Круко его купил через двадцать минут на обратном пути с тренировки по поднятию тяжестей. Лучше сразу разворачиваться, нам оно не по чину.

Здравствуйте, нет ли у вас демисезонного пальто на мой рост? Нет ничего приличного, молодой человек. А вот это, например? Вот это жалко, что? Что ж вы такою носите будите? Ну, просто попробовать. Ну, не светуто.

Вот оно в руках, блаженное, шелковистое прикосновение. А где же ценник, ченик-то? Каковы?

Сто пятьдесят. А где же ценник, ченик-то? Каковы?